

Евгений ИВАНОВ

ИЗ ПИСЬМА

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала «Юность»!

История, о которой я хочу вам рассказать, действительно имела место. Поэтому я назвал ее «Быль о том, как я спас русского поэта». Если приглядеться, то свастику до сих пор можно разглядеть на памятной табличке.

Евгений Иванов

Родился в 1978 году в г. Чернигове, УССР.

Образование высшее (история и практическая психология). С 2006 года работал в Черниговском областном историческом музее имени В. В. Тарновского.

Пишу с 2000 года.

Печатаюсь с 2007 года, в основном в местной периодической прессе и научных музейных сборниках.

Печатался в новосибирской газете «Педагогическое эхо». За несколько лет у меня появилась серия эссе «Заметки экскурсовода» — попытка анализа ощущений, своих и чужих, причин их появления и осознания того, чем я занимаюсь.

В 2007 году занял 3-е место в X Областном литературном конкурсе для детей и молодежи «Спробуй». В 2008-м принимал участие в литературном проекте «Литрузыч, Гу!», занял 2-е место в областном конкурсе молодых журналистов.

Принимал участие в молодежном ежегодном творческом проекте «Перехрестя», проводимом галереей «Пласт-Арт» (г. Чернигов).

Увлечения: литература и поэзия Серебряного века, история старообрядчества, история религии, археология, психология личности, написание стихов и прозы.

БЫЛЬ О ТОМ, КАК Я СПАС ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА¹

Кто такой Теодоро? Герой комедии Лопе де Вега «Собака на сене». Помните? Был еще Агонсильо Теодоро, историк, профессор Филиппинского университета в

Маниле. Кроме исторического образования, нас с Агонсильо ничего не связывает. А тот, который из кинофильма «Собака на сене», — это актер Михаил Боярский.

¹ Памятник Александру Сергеевичу Пушкину в городе Чернигове открыт 25 сентября [8 октября] 1900 года к столетию со дня рождения великого русского поэта на средства, собранные жителями города. Памятник представляет собой бронзовый бюст поэта, изготовленный в мастерской художественной бронзы К. Берто, установленный на постаменте из черного мрамора и гранита (который спроектировал местный литератор и художник Г. А. Коваленко) в Пушкинском сквере, заложенном еще в 1884 году.

— Анастасия! Звезда моя! — И усами так подергивал.

Шляпа мне его нравилась и как на коне скакал. Так вот, Теодоро — это мой полуюношеский псевдоним, который нигде не использовался. Но рассказ не об этом, а о классике.

Итак, как я спас русского классика.

Вот я вам расскажу быть.

Было это давно. Ну, как давно? Все ведь относительно в нашем мире, но было.

Зима. Февраль. Сыро и промозгло. И снег такой тяжелый и рыхлый. То время, когда с гриппом легко познакомиться, как с попутчиком в купе. И он вот-вот на подходе, практически за углом. Вот сейчас зайдет — и будет о чем вам с ним поговорить.

Это такое время, когда весна еще не пришла, а зима тужится что есть силы, мол, уж я вам! Когда с тебя картины можно писать, натюрморты практически. Зимняя одежда надоела, сто одежек — и все на тебе. Чувствуешь себя время от времени то капустой, то луком. Такая ходячая овощебаза. Словом, погода та еще.

И вот иду я как-то на работу и, проходя мимо памятника мировому классика А. С. Пушкину, обращаю внимание, что какие-то уроненные во время родов

акушеркой люди его зеленой краской залили, а на постаменте фашистскую свастику нарисовали. И, видимо, для своих, таких же уроненных, для пушечного увещевания, написали «К А Ц А П». Мол, на памятной табличке с Ф. И. О. и годами жизни вранье написано. И не Пушкин это вовсе.

По почерку видно было, что писали «искусствоведы», причем скорописью. Шутка ли, к великому прикасались! Как тут руке не дрогнуть? В пользу «искусствоведов» говорил еще тот неоспоримый факт, что, видимо, проведена была ими глубочайшая работа по изучению его корней. И, докопавшись до самой сути, они решили познакомить всех с результатами своего исследования, ознаменовав это эпической надписью.

Вот горемычные! Александр Сергеевич Пушкин, безусловно, был великим русским поэтом, подданным Российской империи, писавшим на русском языке. Но пятая графа... Посудите сами! Его прадед по материнской линии был эфиопом, а прабабка по отцовской линии — шведкой. Ну и кто он после этого?

Ну да бог с ними. Так вот. Пришел я, значит, в исторический музей, в котором во время работал, и шороху навел. Мол, где это видано? В исторической части города, на территории заповедника, перед музеями памятники обливают. Одни горожане его сто лет назад

ставили, другие через сто лет обгадили. Мои засракули, конечно, завозмущались и как гуси загоготали: «Да, да, да! Где это видано? В центре города. Памятник...» Для тех, кто не знает, поясню: засракулями называют заслуженных работников культуры, это аббревиатура. Вот они-то меня и снарядили отмывать памятник русскому поэту. Снабдили какой-то ветошью, бензин в бутылке выдали и щетку в зубы всунули. Мол, орал? Шагай! Ну а мне-то что? Солдат спит, как говорится, а служба идет. Дело, думаю, не на пять минут, на свежем воздухе, да и подальше от начальства, — чем плохо? И устремился. Пришел к памятнику, стою и смотрю на эфиопское бронзовое лицо в зеленой краске и понимаю, что один не справлюсь. Чего одному прозябать на сыром ветру? Позвонил друзьям. Говорю им, что так, мол, и так, ужас и культурный беспредел творится в городе. Нужно помочь, отмыть. Собралось нас человека четыре. Лестницу приволокли, щеток принесли и приступили.

Решили начать с таблички. Плеснули мы бензин на свастику и давай тереть ее что есть мочи. Трем-трем, а эффекта ноль. Бензин испаряется, руки мерзнут, да и щетки капроновые мягкие разьежжаются. Толку от них ну никакого. Так прошел целый час. Тряпки наши пришли в негодность, так как поверхность, залитая краской, неровная была, а как рябь, — такова была задумка скульптора. Вот тряпки об нее и поистрепались. И тут кто-то из нас сказал: «Нужно греться. Долго не протянем!» Погода-то помните какая? В общем, с миру по нитке — и у нас появилось три бутылки портвейна. Все это время за нашей творческой ватагой через окна и решетки входной двери, притаившись, наблюдали работники культуры. В процесс они предпочли не вмешиваться.

Портвейн оказался коварным. Мы догадывались, что в бутылке из зеленого стекла что-то такое таится. Но чтобы такое и настолько! И, как следствие, работа в разы ускорилась и наполнилась воодушевлением.

Нужно сказать, что краска, которой залили бюст, очень быстро въелась в его каждый бугорок и ямочку. Поэтому нам пришлось, в прямом смысле слова, выковыривать ее из скульптурной ряби. Мой шорох в стенах музея, как говаривала наша завхоз, маленькая и суелливая, бесследно не прошел. То ли мои grand dam, то ли неусыпное и всевидящее око собачников, гуляющих по парку, вызвали своим звонком по телефону интерес у сотрудников правоохранительных органов. Да не просто сотрудников, а сотрудников СБУ, украинского КГБ. Вот представьте картину: куча грязных тряпок, бутылки из-под бензина и вина, четверо молодых спартанцев бородато-волосатой наружности в каких-то хламидах бегают, шумят, кричат вокруг памя-

тника и о чем-то спорят. При этом размахивают руками, что-то друг другу доказывают и время от времени с разных сторон пытаются пристроить большущую лестницу к голове Пушкина. И за всем этим через окна и решетки входной двери, притаившись, наблюдают труженники культуры, но в процесс не вмешиваются. Мало ли? Так, неожиданно для нас, рядом появились вездесущие чекисты, люди в серых пиджаках из машины марки Skoda.

Сыщики проявили бдительность и оперативно отреагировали на звонок от «пушкинистов». Люди, подойдя к нам, проявили четко структурированный интерес: что? где? когда? почему? И, главное, зачем? Мы объяснили, как смогли, что мы «младопушкинисты», неравнодушные к судьбе культурного наследия нашего города. Стараемся для потомков и, так сказать, выполняем свой гражданский долг. Чекисты прониклись нашей речью, сфотографировали памятник, нас с тряпками и зеленые бутылки и уточнили, чем могут помочь. И тут один из наших «младопушкинистов» со знающим видом, будто он всю жизнь что-то растворял, произнес: «Нужен растворитель номер 650 и тряпки. Много тряпок». «Органы» многозначительно покачали головой и, покопавшись в багажнике своего авто, извлекли из него неожиданно оказавшийся у них растворитель под номером 650 и целый пакет тряпок. Ну, как тряпок? Полный пакет, пардон, женских трусов. «Конфискат!» — как они объяснили потом. Нежно-розовые, с рюшками по краям, кремовые и белые, а также без узора, с бирочками. Никогда еще в наших руках такого и в ТАКОМ количестве не было. Надпись на этикетках гласила, что произведено все это было в Китае.

Работа встала!

И вот во время всего этого творческо-интимного бездействия, пока мы изучали достижения китайской промышленности, на горизонте появились журналисты. Ну куда же без них? Естественно, журналисты к нам. Что и как? А мы со знающим видом, с трусами в руках да с зелеными бутылками, им: «Идите вы, мол... в музей, там все расскажут. А нам некогда, у нас миссия и процесс. Не видно, что ли?» И вот тут-то настал звездный час моих музейных дам. Оставив свое убежище, при виде представителей средств массовой информации заслуженные пушкинисты, сочувствующие, заведующие отделами, словом, все, в ком проснулся ген негодования, посчитали своим долгом на камеру высказать свое «Где это видано?!». Ознакомить с жизнью великого поэта широкую общественность и рассказать об истории памятника. Затем по городским каналам так и прошла картинка: высокое собрание с благородными лицами и где-то там, на заднем плане, группа «творческой интеллигенции» с женскими трусами в руках.

В общем, пока представители культуры давали интервью и распространяли благородные флюиды, мы продолжали отмывать бюст Александра Сергеевича работы Карла Берто. Худо-бедно, но свастику мы смыли. Осталось дело за «кацапом» и гордым бронзовым профилем. Поскольку наверх лезть никто не хотел, им и так внизу уже было хорошо, то заглянуть в холодные, зеленые от краски глаза солнцу русской поэзии решил я. Вооружившись эсбэушным конфискатором и растворителем, прислонив к кудрявой головушке, ко лбу Александра Сергеевича лестницу, я полез наверх. Остальные же участники концессии ограничились советами и помывкой постамента.

И вот, стоя на третьей ступени сверху, я оказался лицом к лицу с жертвой Дантеса. Вот что вам сказать, когда смотришь в зрачок гения работы Карла Берто? Ощущения космические! Вот ты тут в холодном космосе на орбите, а там под тобой где-то вертится земля, снизу крики какие-то доносятся. Вот когда ты еще окажешься носом к носу с русским классиком? И ничего другого я не смог изречь, кроме как: «Ну что, брат Пушкин?» А он мне как бы телепатически, я это сразу почувствовал: «Да так, брат, так как-то все вышло...» Большой оригинал оказался. «Ладно, — говорю я, — с кем не бывает? Сейчас отмоем». И, намотав на палец китайский конфискат, ну, знаете, когда нужно одну ноздрю прочистить, приступил к исполнению своих обязанностей.

Стою я, ковыряю пальчиком в ноздре поэта, а на языке вертится одно: «Ковыряй, ковыряй, мой милый, сунь туда палец весь...», а в голове рой мыслей. «Сколько на земле жителей? Семь с половиной миллиардов. Сколько жителей в моем провинциальном городишке? Почти триста тысяч. Но почему-то именно я мою нос Александру Сергеевичу Пушкину. Вот она, суровая проза жизни». Но чувство сопричастности с великим меня не покидало.

А дальше? А что дальше? «Под лаской плюшевого пледа», именуемого портвейном, стою со своим чувством и думаю: «Какое унижение для А. С., что его, пардон, трусами женскими умывают. И ладно бы чай в термосе, тут и на трусы закрыть глаза можно, но у нас же не чай!» А тут, как назло, еще и совесть подгрызает начала. Той только повод дай! Хорек еще тот. Я заметил, что она вообще поест любит. Только палец дай — руку откусит. А потом вдруг озарило меня: «Минуточку! Это кто написал?

Там, там во льду хранится
Бутылок гордый строй,
И портера таится
Бочонок выписной.
Нам Бахус, заикаясь,
К нему покажет путь, —
Пойдемте все, шатаясь,
Под бочками заснуть!

Он? Он! А раз так, то мы практически в материал погрузились». Так сказать, подошли к решению проблемы со всей основательностью.

Кстати, для исторической справки. Не секрет, что любил Александр Сергеевич жженку. Этот напиток изготавливался на основе рома. Пунш (жженку) он испробовал еще в лицее. Ее Пушкин называл бенкендорфом, по его мнению, она имела «полицейское», умиротворяющее действие на желудок. Но предпочитал он в основном французские вина, в особенности шампанское. Шампанским он запивал блины и шашлык в «снегах Таврийских». Он предпочитал всем маркам шампанского Saint-Peray.

Но потом он изменил своему любимому шампанскому в пользу красного вина бордо.

А если сам он не брезговал напитками, так нам, грешным, самой судьбой было разрешено с собой иметь портвейн.

Ну а что до женских аксессуаров, которыми мы его отмывали, так на этот счет можно быть спокойным. Женщин он любил:

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!

Ну а коли так, то и пикантный аксессуар из женского гардероба, думаю, вдохновил бы его на поэтические подвиги. А может, и не на поэтические.

Словом, отмывали мы табличку, сам бюст и нос с шевелюрой. Я потом еще шутил, что потомкам смогу сказать: «Да я самому Пушкину нос вытирал, пока вы еще под стол пешком ходили!»

И вот теперь, когда, бывает, прохожу мимо бюста Александра Сергеевича, частенько говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» А он мне телепатически и так как бы немного сконфуженно: «Да так, брат, так как-то все вышло».